

С другой стороны, для отца Павла Средневековье вообще утратит сугубо хронологические рамки, став идеальным образцом устройства мира на основе веры в Бога. Он будет все культуры делить на два типа: средневековый и «ренессанский», в первом случае первенствующую роль играет Бог, во втором – человек, что не исключает их общего с Вл. Соловьёвым понимания позитивизма как финальной точки в развитии антропоцентризма.

Наконец, еще одна тема объединяет Соловьёва и Флоренского – тема любви. Вл. Соловьёв подчеркивает, что учение Платона о любви выросло из его личного живого опыта – через Эрос, этот «могучий демон», соединяющий небо и землю в единое целое. Но такого рода Эрос Платону, по Соловьёву, дано было только созерцать. Эти размышления Вл. Соловьёва оказались значимыми для юного Флоренского. Он доведет идею соединения мысли с жизнью до ее воплощения в собственной биографии. Он будет не просто думать и писать на религиозные темы, но станет священником, чтобы словом и делом воздействовать на мир. Он женится без всякой любви, чтобы обрести ее в браке. Он станет многодетным отцом, оставив детям своим генеалогические сведения об их предках. Он будет заниматься научными изысканиями, чтобы доказать Божий промысел во всех явлениях бытия.

Свящ. Павел Флоренский являл собой тип мыслителя-деятеля в самом прямом смысле этого слова. Он всегда писал и делал только то, что могло быть прочитано, услышано, усвоено. Владимир Соловьёв в большей степени был именно мыслителем, хотя в своих работах всегда был сторонником связи философии и жизни.

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЛОВЬЁВА¹

Карабыков А.В.

*доцент, доктор философских наук,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь, Российская Федерация)*

УДК 101.1

Цель доклада – обосновать актуальность проблем и путей их решения, занимающих центральное место в творчестве В.С. Соловьёва.

Ключевые слова: христианство, свобода совести, веротерпимость, экуменизм

TOPICALITY OF SOLOVJEV

Karabykov A.V.

*Associate Professor, D.Sc. in Philosophy,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Russian Federation)*

The aim of the report is to argue topicality of problems as well as ways of their solving which play a central part in V.S. Solovjev's works.

Keywords: christianity, freedom of consciousness, religious tolerance, ecumenism

Наследие В.С. Соловьёва остро актуально, но по большому счёту не востребовано. Парадоксальное сочетание актуальности и невостребованности может складываться по разным причинам, но чаще всего, пожалуй, в силу одной – опасности. Мысль Соловьёва злободневна, опасна и *поэтому* невостребована.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Удивительно, что его многостороннее творчество остается актуальным в каждом из своих ключевых направлений. Соловьёв-метафизик, творчески осмысливший положения современной ему эволюционной теории в теистическом духе, мог бы помочь тем, кто решил бы встать на защиту христианства в споре с «новыми атеистами»: Докинзом, Деннетом и другими, – якобы от лица дарвинистской науки воюющими с религией.

Соловьёв – теоретик экуменизма, ставший той первой ласточкой, которая, по пословице, пусть и не делает ещё весны, но свидетельствует о её приближении. В данном случае этой весной стало движение за объединение христианских церквей, которое началось после смерти мыслителя в протестантской среде, чтобы позднее увлечь Католическую и затем Православную Церкви. И хотя экуменические идеи Соловьёва служат источником вдохновения для многих христианских деятелей и пицей – для интеллектуалов, этот аспект его творчества по-прежнему находит меньше всего понимания и сочувствия в России, где противодействие экуменизму беспрецедентно сильно. Причем, не только в «низовом» православии, но и в среде православной интеллигенции, которая, как казалось в перспективе конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, станет главным агентом рецепции и продвижения идей философа. Произошло, скорее, обратное. На моей памяти (памяти человека, наблюдавшего за событиями с провинциальных окраин) решительным и сплочённым образом православная интеллигенция заявила о себе единожды – непосредственно после эпохальной и, как выяснилось после, бесплодной встречи московского патриарха и папы римского. Заявила, как мы помним, о принципиальном своем протесте против какого бы то ни было контакта с «еретиками», как несущим угрозу для православия. Откуда мог взяться столь пылкий антиэкуменизм? Бесспорно, из той же зловерной и невытравимой доктрины «Москва – Третий Рим». Но если сравнивать со временем Соловьёва, когда та же доктрина, утверждаемая, казалось, самим державным величием Империи, настроила против его экуменических построений широкую публику, – изоляционистский пафос современной (около-) церковной интеллигенции, на мой взгляд, имеет, как минимум, ещё одну мировоззренческую причину. Имея в виду прежде всего людей старшего, чем мое, поколения, сформировавшихся при советском режиме, когда доступ к собственно христианским текстам был совсем или почти закрыт и основным источником религиозного пробуждения служила классическая литература и, скажем общо, русская (украинская, белорусская и т.д.) старина (зодчество, иконопись, фольклор и т.д.), – я говорю о слиянии в их сознании собственно религиозных воззрений с национально-патриотическими. Так что быть христианином для многих значило быть обязательно православным и нередко русским (украинским, белорусским и т.д.) националистом, – значило тем более не критически, что дряхлевшая власть советов была враждебной как всякой религии, так и русскому национализму. К этому можно добавить тягу к своеобразной духовной компенсации, проявляющуюся в желании залечить рану геополитического поражения осознанием своего воображаемого духовного превосходства и богоизбранности.

Наконец, Соловьёв-публицист. Полагаю, не будет ошибкой утверждать, что лейтмотив его публицистики сводится к императиву духовной свободы (в смысле непринуждения) и веротерпимости. Российский XIX век, похоже, не знал более убеждённого и красноречивого противника – из числа христиански мотивированных интеллектуалов – проводимой тогда в Империи «политики религиозных преследований и насильственного распространения казенного православия» [1, с. 216]. Исключение – Л.Н. Толстой, с которым они, решительно несогласные в догматических вопросах, были вполне солидарны в этом отношении. В своих статьях и письмах, посвященных этим темам, Соловьёв развивает несколько главных доводов, не утративших силу и в наше время, кровоточащее теми же бедами. Один и главный из них основан на словах Христа, многожды варьировавшихся в устах учителей нравственности: **«... Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). В государстве, позиционировавшем себя как хранителя христианской истины, апелляция к Евангелию была более чем уместной. Но Соловьёв прибегал к ней для обоснования императива веротерпимости и свободы совести,**

чего не делали (можно резче: делали обратное) те, кто должен был служить первейшим ревнителем этой истины: церковные иерархи и синодальные главы. «Говорю от своей совести и обращаюсь к Вашей совести», – завершал своё известное письмо К.П. Победоносцеву философ, настаивая на необходимости новой – истинно христианской – религиозной политики в официально-православной стране [Там же]. В основу этой политики должны были быть положены принципы уважения и социальной справедливости по отношению к инославным гражданам Империи, включая принадлежавших к другим конфессиям национальные меньшинства России, русских старообрядцев и огромное множество тех, кого на официальном языке Империи именовали “сектантами”.

Соловьёв-публицист не был услышан при жизни: высокопоставленные адресаты, на чью христианскую совесть, добрую волю и здравомыслие он надеялся, видели в нём кабинетного вольнодумца, детски наивного в том, что касается *realpolitik*. В их глазах он заслуживал внимания в той мере, в какой нёс опасность существующему порядку вещей, «правильному» и «благословенному». Однако скоро ход событий показал правоту философа. То, что предлагалось им сделать по зову совести и благоразумию (ибо что для верующего может быть благоразумнее, чем следование заповедям Бога?), делалось позже под давлением обстоятельств и фатальным образом запоздало. Должен был грянуть гром русской революции 1905 года, чтобы царь издал Указ «Об укреплении начал веротерпимости», многие пункты которого повторяли то, необходимость чего десятилетиями раньше обосновывал русский мыслитель [2]. Но ни этот, ни все другие акты царской администрации были уже не в силах предотвратить катастрофу.

Список литературы

1. Соловьёв В.С. Письмо К.П. Победоносцеву (1892) // Новый мир. – 1989. – № 1. – С. 226–227.
2. Именной Высочайший Указ, данный сенату Об укреплении начал веротерпимости 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. – СПб., 1908. – С. 237–238.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ В. СОЛОВЬЕВА В РАБОТАХ Г. ФЕДОТОВА, ИХ СВЯЗЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Клепикова Ю. В.

аспирантка школы философии факультета гуманитарных наук.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

УДК 101

Доклад посвящен идеям В. Соловьёва, ставших источником для историософских построений ряда авторов русского религиозно-философского ренессанса, включая Г. Федотова. В публицистических работах которого рассматриваются процессы от средневековой до более поздней духовно-культурной истории России в тесной связи с многообразием индивидуальных свойств русского человека. В центре внимания автора находятся философские идеи Федотова, показывающие трансформацию национального духа и определяющие проблемы и перспективы дальнейшего национально исторического развития России.

Ключевые слова: Георгий Федотов, историософия, культура, история и человеческий дух, традиции философствования в России.

CONTINUITY OF V. SOLOVYOV'S IDEAS IN WORKS OF G. FEDOTOV, ITS CONNECTION AND VALUE FOR RUSSIAN MAN AND NATIONHOOD